

Н.Н. Мазур

ДВЕ «ЗИМЫ»

Ура!.. Куда же плыть?.. какие берега
Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный,
Иль опаленные Молдавии луга,
Иль скалы дикие Шотландии печальной,
Или Нормандии блестящие снега,
Или Швейцарии ландшафт пирамидальный.

Заключительные строки чернового автографа стихотворения Пушкина «Осень» (1833)¹ обнаруживают явное сходство со следующим отрывком из стихотворения А.С. Хомякова «Зима» (конец 1830):

Мне помнятся края, где, путник молодой,
Я с мирным посохом и пылкою душой
Бродил среди картин и прелестей природы;
Скалы Швейцарии, *убежище свободы*,
И роскошь Франции, и ты, страна чудес
И пламенных искусств, и радужных небес,
Страна Италии, где луг, и лес, и волны,
И диких гор верхи восторгов сладких полны!²

Дальнейший сопоставительный анализ позволяет обнаружить целый ряд совпадений в лирическом сюжете двух стихотворений. Отсутствие прямых доказательств не позволяет полностью исключить типологический характер изоморфизма текстов или феномен «забытой цитаты»³, но на наш взгляд и количество предполагаемых цитат, и их место в стихотворении указывают на сознательное воспроизведение элементов чужого текста⁴.

Стихотворение Хомякова «Зима» было опубликовано 11 января 1831 г. в «Литературной газете»⁵. «Зима» должна была привлечь вни-

мание Пушкина, поскольку она была наполнена отсылками к его собственному стихотворению «Зима. Что делать нам в деревне?» (напечатано в «Северных цветах» на 1830 г.). Хомяков пишет так же, как и Пушкин, александрийским стихом⁶ и строит текст по той же сюжетной схеме: зима — неудачная охота (Пушкин) / конец охоте (Хомяков) — скука — вьюга. В обоих стихотворениях далее вводится тема поэтического творчества, однако здесь линии расходятся: Пушкин описывает неудачные попытки творчества, появление неожиданных гостей («две белокурые, две стройные сестрицы») и развитие любовного влечения, с которым стихотворение достигает эмоционального апогея. Две пары восклицательных предложений, начинающихся союзом *как*, обрамляют любовный сюжет, и, благодаря грамматическому сходству фраз, мотив полноты жизни («*Как оживляется глухая сторона! / Как жизнь, о боже мой, становится полна!*») связывается с эротическим переживанием («*Как жарко поцелуй пылет на морозе! / Как дева русская свежа в пыли снегов!*»). У Хомякова любовная тема отсутствует совершенно: смысловым и эмоциональным центром стихотворения является описание процесса творчества (пробуждение «мечты», «чудные виденья» и, наконец, мысленное путешествие). Любопытно, что тему путешествия, реализованную в сходных синтаксических конструкциях, находим в стихотворении Пушкина «Поедем, я готов...» (1830), также написанном александрийским стихом⁷; однако здесь путешествие связано с темой несчастной любви. Разрешающий аккорд «Зимы» Хомякова («*И с памятью утрат и прежних наслаждений / Бегут потоки слез, стихов и вдохновений*») отсылает также к стихотворению Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...», 1825, опубл. 1827).

В факте использования Хомяковым чужого текста как опоры для своего (текст-источник при этом легко узнаваем и автор, по-видимому, рассчитывает на «опознание» его читателями) не было ничего исключительного⁸. Число цитат и аллюзий в стихах и драмах Хомякова 1820–1830 гг. довольно высоко; их наиболее значимая функция — декларация определенных эстетических ориентиров (таковы шекспировские аллюзии в «Ермаке» (1826)⁹, отсылки к произведениям Жуковского и Веневитинова в стихах, ориентированных на восприятие московского круга¹⁰). Тексты самого Пушкина часто служили для Хомякова источником мотивов и реминисценций¹¹. Однако в целом роль пушкинского подтекста в поэзии Хомякова была более сложной. Он использовал темы, заданные Пушкиным, развивая их с большей или меньшей степенью полемической направленности по отношению к тексту-источнику¹². В модификации им лирического сюжета

«Зимы» хорошо заметно неприятие пушкинского сенсуализма и противопоставление ему возвышающего душу романтического энтузиазма. В этом выразилось, прежде всего, мировоззрение самого Хомякова¹³, однако в целом его позиция могла быть легко спроецирована на недовольство круга «Московского вестника» «легким» направлением поэзии Пушкина и требование ими «поэзии мысли». На восприятие Пушкиным творчества Хомякова, несомненно, влияло общее охлаждение его отношений с москвичами к началу 1830-х гг. Можно предполагать, что реакция на скрытый упрек, содержащийся в «Зиме», отразилась в некоторых строфах отрывка «Осень».

Сопоставляя «Осень» с «Зимой» Хомякова, отметим сходство лирического сюжета и организации текстов. Оно задается, прежде всего, соотношением двух частей, легко выделяемых в каждом из стихотворений. Тема смены времен года и описание соответствующих изменений в природе создают пространственно-временной фон второй части — описания творческого акта. Во второй части акцентируются одни и те же моменты: отрешение от реального мира (здесь и далее первая цитата из «Зимы» Хомякова, вторая — из «Осени» Пушкина): *«помню я, забывши внешний мир» — «И забываю мир»*; мотив пробуждения: *«Мечта проснулась» — «И пробуждается поэзия во мне»*; «овеществление» потока мыслей в цепочке образов: *«чудные виденья/Рисует предо мной игра вообразенья» — «незримый рой гостей, Знакомцы давние, плоды мечты моей»*. При этом в описании видений тексты Хомякова и Пушкина восходят, по-видимому, к одному первоисточнику — стихотворению В. Гюго «Ноябрь» из сборника «Восточные мотивы» (1829)¹⁴. Далее напряжение нагнетается повторением изоморфных единиц и, наконец, находит катарсическое разрешение в метафоре потока:

Хомяков:

И брата, и певца, любимца чистых муз,
И смертью раннею разорванный союз;
И с памятью утрат и прежних наслаждений
Бегут потоки слез, стихов и вдохновений.

Пушкин:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

Хорошо известно, что «Осень» обладает чрезвычайно плотным ли-

тературным подтекстом, в котором сведено множество тем и мотивов как из произведений самого Пушкина, так и из предшествующей литературной традиции¹⁵. Неоднократно отмечалась полемичность Пушкина по отношению к элегической традиции, выразившаяся в контрасте «прозаического» контекста и элегических описаний¹⁶. Однако «Осень» была, по-видимому, не только знаком перехода к новой поэтике, но и ответом многочисленным критикам, заявлявшим в начале 1830-х гг. об упадке пушкинского таланта и о неспособности его создать «поэзию мысли» (такое мнение было в особенности характерно для так называемого круга «Московского вестника»). Дух полемики ясно звучал в набросках 12-й строфы чернового автографа:

И тут беру перо. Друзья мои поэты,
(Не вам я говорю *** и ***
И не тебе ** живая жертва Леты,
И даже не тебе [певец] ***¹⁷.

Впоследствии Пушкин отказался от номинации прямых адресатов, однако не исключено, что полемический настрой повлиял на используемую им технику цитирования. Опираясь в 7-й строфе «Осени» на 2-ю строфу «Осени 1830 года» Вяземского¹⁸, Пушкин оставляет в стороне всю философскую проблематику стихотворения, написанного в связи с эпидемией холеры 1830 г. Соединенные у Вяземского с осенней темой мотивы обманчивой красоты природы, разлитого в ней «божьего гнева» и бессилия человека перед роком совершенно чужды пушкинскому тексту. Таким образом, цитата утрачивает функцию расширения семантического поля стихотворения за счет цитируемого текста. Обратный пример — заключительная фраза белого автографа «Куда ж нам плыть?», отсылающая одновременно к двум источникам, каждый из которых привносит дополнительные смыслы. Неточная цитата из «Чайльд-Гарольда» (гл. IV, строфа CV) вводит целый круг мотивов, связанных с именем Байрона, и одновременно отсылает к элегии Гюго «Когда страницы книг...», в которой она была использована в качестве эпиграфа. В случае с Гюго можно также предполагать двойную переключку: между текстами, говорящими о связи душевной свободы и свободы творчества, и текстом Пушкина и всем сборником «Осенние листья» (1831), в который включена элегия (исследование возможного полемического характера отсылки, связанного с общим мнением Пушкина о поэзии Гюго, не входит в задачи данной статьи).

Характер отношения текстов Пушкина и Вяземского неоднозначен. Строфическая ограниченность парафразы из «Осени 1830 года»

маркирует ее в тексте и допускает толкование ее как комплиментарной отсылки, рассчитанной на опознание определенным кругом¹⁹, тем более, что случаи подобных связей с текстами Вяземского у Пушкина часты. Против этой гипотезы говорит то, что в отличие от «зимней» темы, прочно связанной с «Первым снегом», «осенняя» не ассоциировалась с творчеством Вяземского, само стихотворение не было слишком известным, и число читателей, способных узнать отсылку, могло оказаться очень невелико. В случае с «Зимой» Хомякова полемика кажется нам более очевидной. Сходство и общего сюжета стихотворений, и ряда микросюжетов²⁰ позволяют предполагать, что Пушкин отталкивается от текста Хомякова. Развивая и усложняя ряд заданных в нем тем и мотивов, он отвечает на предложенное Хомяковым в связи со стихотворением Пушкина «Зима. Что делать нам в деревне?..» соперничество в понимании духа поэзии.

ПРИМЕЧАНИЯ

За ряд ценных консультаций благодарю Н.Г.Охотина и С.И.Панова.

¹ Цит. по: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 3. Л., 1977. С.426. Далее ссылки на это издание даются с указанием тома и страницы. Историю полемики вокруг датировки текста см. в ст.: *Измайлов Н.В.* «Осень» (отрывок) // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. Л., 1974. С. 222–254.

² Цит. по: *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы. Вступ. статья, подготовка текста и примечания Б.Ф.Егорова. Л., 1969. С.89 (далее — *Хомяков*, с указанием страницы). Выделенное мною курсивом словосочетание при первой публикации, как предполагает Б.Ф.Егоров, по цензурным соображениям было заменено на «и пастыри народы» (*Хомяков*. С.552).

³ «Забывтая цитата» в прямом значении термина — см.: *Мицк З.Г.* «Забывтая цитата» в поэтике русского постсимволизма // Труды по знаковым системам. 25 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 936). Тарту, 1992. С.124–125.

⁴ Оговоримся, что будем пользоваться расширенным пониманием «цитаты». См.: *Смирнов И.П.* Цитирование как историко-литературная проблема: принципы усвоения древнерусского текста поэтическими школами конца XIX - начала XX вв. (на материале «Слова о полку Игореве») // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник, IV. Тарту, 1981. С.246.

⁵ Пушкин, хотя и жил в это время в Москве и был занят предсвадебными хлопотами, внимательно следил за газетой. 13 января он писал Плетневу: «Что Газета наша? Надобно нам об ней подумать. Под конец она была очень вяла; иначе и быть нельзя: в ней отражается русская литература» (*Пушкин А.С.* Письма. Под редакцией и с примечаниями Л.Б. Модзалевского. Т. 3. Л.: Academia, 1935. С.7).

⁶ Александрийским стихом написано и стихотворение Вяземского «Первый снег» (1819), к которому восходит противопоставление «любовного пыла» и «зимнего холода». Ср.: *Соколова К.И.* Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве Пушкина // Проблемы пушкиноведения. Л., 1975. С.67–86.

⁷ Опубликовано в «Московском вестнике» (1830, № 11) — наиболее близком Хомякову по дружеским связям издании.

⁸ О роли цитат в романтическом поэтике см. также: *Марков В.Ф.* Русские цитатные поэты // To the Honour of Roman Jakobson. The Hague — Paris: Mouton, 1967. Vol. 2. P.1273–1287.

⁹ В особенности насыщено шекспировскими аллюзиями третье действие. Открывающий монолог Ермака отсылает к одному из наиболее известных монологов из «Макбета»: *«Песчинка за песчинкой, день за днем / Скользит без шума, в вечность упадая. / И так-то год пройдет, и жизнь сама / Уйдет от нас неслышными шагами»* (Хомяков. С.198). — *«Tomorrow and tomorrow and tomorrow / Creeps in this petty pace from day to day / To the last syllable of recorded time...»* («Макбет». Акт 5, сц. 5). К этому же монологу восходит и реплика Мещеряка: *«А слава?.. Что она? Пустое / Мечтанье, слово, дым один, ничто, / Рассказ вечерний стариков болтливых / О том, кто их не слышит и лежит / Глубоко под землей в могиле темной»* (Хомяков. С.203). — *«Life's but a walking shadow... / It is a tale told by an idiot, / Full of sound and fury, signifying nothing»* (там же). К «Макбету» же восходит образ невидимых пятен на руке: *«...Смотри — на сей руке / Есть пятна, — ты не видишь их, — ни слезы, / Ни кровь врагов, сраженных мной в боях, / Ничто, ничто не смоеет их»* (Хомяков. С.203). — *«Will all great Neptune's ocean wash this blood / Clean from my hand?..»* (акт 2, сц. 2); ср. также всю первую сцену пятого акта - безумие леди Макбет. Тема добровольного выбора смерти как освобождения от земных мук, присутствующая во многих монологах Ермака, отсылает к «Гамлету»: *«Не лучше ль разом смерть, чем жизнь влечь, / Всчасно смерти ожидая»* (Хомяков. С. 166); *«Но умереть... лежать в могиле тесной... / Быть снедию червей»* (Хомяков. С.199); *«Не лучше ль разом / Сказать и свету и земле: прощай, / Сказать судьбе: я от тебя свободен, / Иди, с другими жертвами играй!»* (Хомяков. С.223). Однако шекспировские аллюзии не сыграли значительной роли в эстетике всего произведения и не были расшифрованы аудиторией, безоговорочно отнесшей драму Хомякова к шиллеровской традиции.

¹⁰ Стихотворение Хомякова «Молодость» (1827) и парное к нему стихотворение «Старость» восходят к «Идеалам» Шиллера, возможно, через посредство стихотворения Жуковского «Мечты» (ср. в особенности 3–5-ю строфы текста Жуковского). Стихотворение «Жаворонок, орел и поэт» (1833) содержит парафразу из «Отрывка из Фауста» Веневитинова.

¹¹ См., например, указанные в комментарии Б.Ф. Егорова реминисценции в стихотворениях «Старость» (1827), «Поэт» (1827), «Ей же» (1832). — Хомяков. С. 549, 554. Отметим также отсылки к пушкинской «Деревне» в «Послании к Веневитиновым»:

*Но друга твоего оставил прежний жар,
Исчез, как легкий сон, высоких песней дар...*

<...>

*О, если б глас царя призвал нас в грозный бой!
О если б он велел, чтоб русский меч стальной...*

<...>

*Отмстил за горести Эллады угнетенной!
(Хомяков. С.61)*

*О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя
(Пушкин, I, 319)*

¹² В лирике наиболее явно это проявилось в разработке темы поэта и поэтического призвания. Сопоставление трактовки этой темы Пушкиным, Веневитиновым и Хомяковым см. в: Гинзбург Л.Я. О лирике. М.—Л., 1971. С. 185–187. Укажем также на связь «Разговора» (1831) Хомякова с пушкинским «Разговором книгопродавца с поэтом».

¹³ Ср. его позднее высказывание о Пушкине в письме 1860 г. к И.С. Аксакову: «способности к басовым аккордам не доставало не в голове Пушкина и не в таланте его, а в душе, слишком непостоянной и слабой, или слишком рано развращенной и уже никогда не находившей в себе сил для возрождения Пушкин измельчался не в

разврате, а в салоне». Сравнивая Пушкина с Гете и Шиллером, он писал: «вы не можете не признавать в них строгих, мужественных, мужских душ, духовных борцов, перед которыми невольно преклоняешься» (Хомяков А. С. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1904. С.366–367). Следует отметить, что сенсуализм Хомяков не прощал даже Гете; по его мнению, в «Римских эгидиях» «беспристрастный читатель (если он одарен истинным чутьем изящного) видит сквозь искусство поэта уродливое сочетание важной и задумчивой головы немецкого ученого с полуживотным туловищем козлоного Сатира» (Хомяков А. С. О старом и новом. Составление, вступ. статья и комментарии Б. Ф. Егорова. М., 1988. С.62).

¹⁴ Связь между «Осенью» и «Novembre» отмечена: *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды // Звенья, V. М.–Л., 1935. С.134–136.

¹⁵ Некоторые аспекты этой проблемы были рассмотрены в ряде исследований: *Измайлов Н. В.* Ук. соч.; *Левкович Я. Л.* Рабочая тетрадь Пушкина. ПД № 842 // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 14. Л., 1991. С. 149; *Муравьева О. С.* Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 24. Л., 1991. С.17–28; *Фомичев С. А.* Рисунки Пушкина и творческий процесс // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С.12–14.

¹⁶ См.: *Лотман Ю. М.* Две «Осени» // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С.394–400. Отдельные замечания об отсылках к «Первому снегу» Вяземского см.: *Розанов И. Н.* Князь Вяземский и Пушкин (К вопросу о литературных влияниях). М., 1915. С.57–76; *Бицилли П. М.* Пушкин и Вяземский // Годишник на Софийский университет. Вып. 35. 1939; *Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С.259.

¹⁷ Различные гипотезы о подразумеваемых лицах были высказаны В. В. Гиппиусом и Н. В. Измайловым: *Гиппиус В.* Неоконченная строфа черного текста «Осени» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 3. М.–Л., 1937. С.19–20. *Измайлов Н. В.* Ук. соч. С.244–246. В. В. Гиппиус предложил следующую расшифровку: «*Не вам я говорю, <Языков и Плетнев>, / И не тебе, <Вильгельм>, живая жертва Леты, / И даже не тебе, [певец] <младых тиров>*» (Баратынский). Н. В. Измайлов, на наш взгляд, совершенно справедливо указал на графа Хвостова как наиболее вероятного адресата второй строки, отказываясь, впрочем, от дальнейших предположений, поскольку, по его мнению, неясно, комплиментарный или полемический характер носило продолжение строфы. Нам кажется, что Пушкин называет оппонентов, а не союзников. Заметим, что если не учитывать зачеркнутое слово *певец*, в третью строку можно легко подставить имя Хомякова с любым амфибрахическим определением.

¹⁸ Ср.:

*Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и золото одетые леса,
В их сеньях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.*

(Пушкин, 3, 247)

*Как осень хороша! Как чисты небеса!
Как блещут и горят янтарные леса
В оттенках золотых, в багряных переливах!
Как солнце светится в волнах, на свежих нивах!
Как сердцу радостно раскрыться и дышать,
Любуясь кругом на божью благодать.
Средь пиршества земли, за трапезой осенней,
Прощальной трапезой, тем смертным драгоценней,*

*Что зимней ночи мрак последует за ней,
Как веселы сердца доверчивых гостей.*

(Вяземский П.А. Стихотворения. Составление, подготовка текста и примечания К.А. Кумпан. Л., 1986. С.234–235).

«И мглой волнистою покрыты небеса» ср. со строкой из «Первого снега» Вяземского: «*влажные пары / <...> мглой волнистою клубилися над бором*» (Ук. соч. С.130; отмечено: Розанов И.Н. Ук. соч. С.65); также «Эду» Баратынского: «*Во мгле волнистой и седой / Исчезло небо*» (Баратынский Е.А. Полн. собр. соч. Т. 2. Пг., 1915. С.34).

¹⁹ Иного мнения придерживался И.Н. Розанов, характеризовавший подобный тип отношения Пушкина к текстам Вяземского как «соревнование». «Пушкин, — писал он, — берет не только точку отправления, но в некоторых отношениях и разработку темы, с явным намерением превзойти, чего, конечно, и достигает» (Ук. соч. С.57).

²⁰ Отметим общность следующей зрительно-слуховой картины, подчеркнутую одинаковыми рифмами: «*Прощайте, осени разгульные забавы! / Прощай, призывный рог в безмолвии дубравы, / И легкий скок коня по долам и горам...*» (Хамяков. С.89) — «*И страждут озими от бешеной забавы, / И будит лай собак уснувшие дубравы*» (Пушкин, 3, 246).

Корректирующее добавление к прим. 18. Уже после того как статья была сдана в печать, автору стала известна работа Д.П. Ивинского «Князь П.А. Вяземский и А.С. Пушкин» (М., 1994), содержащая указание на сходство «Осени» Пушкина и «Осени 1830 года» Вяземского (с. 99–101).

СЕДЬМЫЕ ТЫНЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы для обсуждения

Рига Москва
1995–1996